

Определенную роль в моей судьбе сыграл и Павел Афанасьевич Гордиенко. Он всегда поддерживал мои научные идеи, огораживал меня от незаслуженной критики своих молодых сотрудников, организовывал совместные работы. Руководя отделом изучения ледового плавания, он никогда не повышал голоса на своих подчиненных, по крайней мере, в моем присутствии. Но чувствовалось, что окружающие его уважают и побаиваются. Я был вхож в его семью. Приводя меня к себе домой, он с порога изрекал жене: “Мура, к тебе гость с Дальнего Востока”. На столе сразу появлялись домашние заготовки типа заливной корюшки, а из горячительных напитков только водка. Вообще, в этой семье я всегда чувствовал себя уютно и желанным гостем.

Регулярные непрерывные наблюдения на морях Дальнего Востока выполнялись с 1956 по 1991 год. Они отображают уникальную, неповторимую эпоху визуальных самолетных наблюдений. К их выполнению привлекалось большое количество гидрометеорологов. Ниже приводятся фамилии в хронологическом порядке, начиная с 1956 года. Участники разовых полетов не упоминаются.

Гидрологи ДВНИГМИ: Е. Н. Нелепов, Б. В. Черемных, А. И. Бабков, Н. И. Радаев, Р. Я. Романов, Л. Е. Веселова, Л. А. Круглов, В. Н. Яковлев, Г. М. Бирюлин, Л. П. Якунин, Ю. П. Заверин, А. М. Мельников, Ю. И. Бабкин, В. В. Назаров, Г. С. Хлоев.

Сотрудники Колымского УГМС: А. Д. Ковалев, Г. Г. Чаленко, Г. В. Румянцев, Н. С. Шульгин, Ф. П. Синельников, В. С. Згоняйко, Г. А. Иванов, А. В. Проворкин, Ю. В. Конашинский, В. А. Шамов, А. Н. Чумак, А. А. Филенкин, Ю. М. Малышев, А. А. Висневский, В. А. Нохрин, В. Ф. Омельченко, Г. К. Наумов, А. А. Денисов, Ф. Я. Карандашев, В. А. Савич, А. А. Ищенко, А. М. Петров, В. П. Мещеряков, С. Л. Хожняк, И. П. Полозов, С. В. Столбовский, О. И. Козлов, А. В. Пучко, В. А. Скрипко.

Представители Сахалинского УГМС: А. П. Орленко, А. В. Зимин, В. Г. Савченко, В. В. Силищев, А. М. Михайлова, В. И. Ламанов, Г. В. Азанов, В. Н. Вахрушев, В. С. Тамбовский, В. М. Пищальник, К. И. Шуин, А. П. Бычков, В. Ф. Живаев, А. В. Козырь, Е. Л. Завалов, В. И. Зайцев, С. А. Наконечный, П. В. Полупанов.

Бортнаблюдатели Камчатского УГМС: В. Н. Веретенников, В. Я. Жмурко, Ю. Н. Кирдис, А. В. Лазо, Л. А. Еремина, Е. С. Чернышева, М. А. Чекмасова, В. М. Попов, Ботьянов, Ю. А. Хистяев, Л. З. Измолик, Р. Н. Тунаев, В. И. Меньшиков, А. В. Брыков.

Представители Приморскгидромета и ДВНИГМИ, осуществлявшие облеты залива Петра Великого: Е. И. Ластовецкий, Н. Н. Снигирев, В. Я. Плаксий, А. М. Завражина, Г. С. Макаренко, Л. П. Закопная, И. Ф. Мазуркевич, М. И. Марченко, А. Д. Козий, Е. М. Рябцева, Г. А. Стрельченко, В. А. Сапрыкина, В. М. Шашель, О. Н. Каштолап, А. П. Петрова, Г. К. Карук, К. Н. Игнатенко, Е. Н. Шаповалов, В. М. Чермных, П. Б. Фирсов, В. В. Виноградов, Л. В. Трушкова, В. А. Гладун, С. А. Белов, А. П. Петренко, С. И. Струлев, Н. А. Володин.

Иногда в полетах участвовали представители Дальневосточного морского пароходства: Б. П. Химич, В. Я. Плаксий, Н. П. Бубнов. В разовых полетах участвовали представители ГОИНа: А. Н. Крындин; УГМС ДВ: Н. И. Серпуховитина. Некоторые гидрологи меняли свои места работы; их фамилии представлены только по первоначальному рабочему адресу.

На морских перекрестках (из записок океанолога). (Г. С. Хлоев, заместитель капитана по научной работе)

Встреча в Дакаре

В Дакар — столицу Сенегала — мы заходили и раньше, но в этот раз меня там ждал сюрприз. Огромные туристические лайнеры забили причалы. Среди них скромно “притулилось” экспедиционное судно “Обь”. Для НИС “Академик Ширшов” места не нашлось, и мы пришвартовались к своему собрату. “Обь” следовала в Антарктиду с очередной группой зимовщиков. Судно было загружено “под завязку”. Чего только небыло на палубах: ящики, вездеходы, тракторы...

Но я не мог оторвать глаз от фюзеляжа самолета с ярко-малиновыми полосами на борту и надписью “Полярная авиация” на кабине. А главное - номер знакомый. Да ведь это тот самый ИЛ-14, ледовый разведчик, на котором я не одну зиму “рисовал” льды Охотского и Берингова морей. Неужели встречу кого-нибудь из друзей-летчиков? Так и есть. Скоро обнимаю одного из них, Николая Озерова, нашего неизменного бортмеханика, к которому всегда питал большую симпатию.

– Вот здорово! Расстались в Арктике, встречаемся в Африке, — басит Николай, — действительно, земля тесная.

– Это мы с тобой просторные, Коля. Да ты еще и с крылышками. Чему тут удивляться, — с радостным волнением оглядываю коренастую фигуру друга.

У нас много общих воспоминаний. Поэтому разговор соткан из сплошных: “А помнишь?” Но это уже в каюте за традиционным столом, в кругу его новых коллег.

Выходим на палубу. Сейчас на этих широтах зима, для нас она, конечно, понятие календарное. Солнце обрушивает на голову свои немилосердные лучи, устраиваемся в тени и, продолжая беседу, поглядываем на берег.

– Наверное больной, — с удивлением киваю на худого, рослого сенегальца в белом до пят балахоне и в туго подвязанной на голове ... шапке-ушанке.

– Какой там больной. Это у них любимый головной убор.

Николай уже успел разобраться в местных модах. Тяготение аборигенов к нашим ушанкам он объясняет сильными песчаными бурями, которые здесь нередки. Пустыня Сахара рядом. К тому же и время сейчас “зимнее”, наверное, мерзнут.

– Вот полюбуйся, — говорит Озеров. К судну подходят еще два африканца. На одном из них красуется потертая кожаная шапка с опущенными “ушами”. Другой задирает черную кучерявую голову с большущими выразительными глазами и несколько раз что-то выкрикивает. С трудом можно разобрать слово “шапка”.

– Просит шапку, где ее достанешь, — замечает Николай. — Вчера ребята некоторым дарили. У меня запасной нет. А старая, сам знаешь, плавает где-то в Охотском море...

Конечно, я хорошо это помню. Был у нас в экипаже молодой штурман Саня Поверенных, удивительно неумный и неистощимый на выдумки человек. Степенный Николай звал его “бортмассовиком”. Не было для Сани большего удовольствия, чем разыграть кого-нибудь, “устроить шорох”, как он выражался. Впрочем, все наши летчики не упускали случая подшутить друг над другом. Были они по натуре веселыми, жизнерадостными людьми, с которыми не могли ужиться тоска и уныние.

Накануне Нового года возвращался наш самолет с ледовой разведки в Магадан. Строили планы, как лучше отметить праздник, Саня за штурманским столом что-то быстро писал. Потом он пошептался с командиром, и тот вручил бортрадисту Борису Птицыну густо исписанный лист.

– А ну, Боря, огласи через динамик. У тебя голос, что у Левитана.

– Будет сделано, — ответил польщенный бортрадист. Он отчетливым густым басом, явно подражая известному диктору, начинает торжественно зачитывать “сочинение” штурмана.

Это был шуточный новогодний приказ по экипажу. Никого в нем не обошел Саня.

Г. С. Хлоев. Члены экспедиций в море и на берегу вместе.

Увлечшись ролью, Борис громко читал пункт за пунктом, иногда присоединяясь к дружному смеху слушателей. Но вот голос диктора несколько сник, в нем начали сквозить нотки беспокойства:

– Чтобы не брать с собой в Новый год старого хлама, считать необходимым списать пришедший в крайне ветхое состояние чемодан бортрадиста Птицына. Однако, Борис мужественно продолжал:

– Указанный чемодан уничтожить путем сброса в Охотское море. Сброс произвести в девять часов по московскому времени в точке...

Птицын не стал зачитывать координаты места. Он кинул взгляд на часы и стремглав бросился в хвост самолета. Но было уже поздно. Его опередили стрелки часов. Он успел только заметить, как в приоткрытую дверь люка вылетел служивший ему много лет порядком обшарпанный чемодан, с которым он никак не решался расстаться. Его швырнул в море по сигналу зуммера, поданному из пилотской кабины, Николай Озеров.

Борис разразился громкой бранью. Гнев его несколько поутих, когда он увидел, что содержимое чемодана аккуратно сложено на запасном бензобаке. Вернувшись на свое место и взглянув еще раз на приказ, Птицын успокоился совсем. Сначала про себя, а потом все громче и громче он стал читать последний пункт:

– Вложить в чемодан бортрадиста и сбросить в море старую шапку-ушанку бортмеханика Озерова, которая также будет позорить экипаж в Новом году.

На этот раз не смеялся только бортмеханик. Ведь он, ничего не подозревая, только что, давясь от смеха, выбросил с чемоданом свою заслуженную шапку, в которой чуть ли не начинал работу в полярной авиации. Но огорчился он недолго. В чемодане у него (а это знали все) давно лежала новая шапка.

Борис тоже нашел выход:

– Ну ладно, бродяги, будете теперь таскать в своих баулах мое барахло. А Саньке я положу, что потяжелей, - заявил он под наш дружный смех. Так он и сделал. Новый чемодан бортрадист долго не покупал “принципиально“, ходил налегке и посмеивался...

Через день расстаемся с “Обью“. Прощальные гудки в порту запрещены, но в нарушение всех правил над притихшей бухтой несется:

– Сча - стли - вой зи - мов - ки!

Это скандируют наши парни и девчата своим новым друзьям. Гремят ответные: “Спасибо!“, “Привет Владивостоку!“ И так без конца, пока не вмешивается вахтенный штурман:

– Хватит шуметь, команды заглушаете.

С грустью смотрю, как темнота поглощает фигуру Николая. Когда еще сойдутся наши пути?

Проблема

Рейс затянулся ... Уже два месяца “сверх плана“ исследовательское судно “А. И. Воейков“ бороздило Индийский океан. Из Владивостока запрашивали о настроении людей. Мы, как обычно, отвечали: “Всё нормально“. Продление рейса порождало, конечно, некоторые проблемы, но они казались нам несерьезными.

Одной из них вдруг стал ... табачный голод. Мне, некурящему, непонятен мир внутренних переживаний жертв никотина, лишенных возможности заполнить легкие одурманивающим облаком. Но внешние проявления этих мук были налицо. Вытянутые физиономии и пустые страдальческие взгляды жрецов табака красноречиво говорили, что он для них — второй хлеб. Обладатели мундштуков и трубок не выпускали их целыми днями, пытаясь высосать хотя бы запах былого изобилия. Инженер Потугов даже уснул однажды с мундштуком, который чуть не оказался у него в желудке. Появились эрзацы ... Предприимчивые страдальцы пустили в дело шалфей. Они выпрашивали его у судового врача для полосканий, и тот доверчиво снабжал лечебными травами мнимых больных. Боцман чертыхался. Он обнаружил, что новые веники, с трудом добытые на берегу, стали куцыми и походили больше на кисти для побелки. Их основательно подстригли те же курильщики. Когда по судну пополз зловонно-удушающий запах же-

ного чая, мы всполошились. По радио прозвучал пространный приказ об опасности и недопустимости использовать для курения разные суррогаты. Но это был глас вопиющего в океане. Табачный кризис достиг апогея. Выход был один — искать встречи с каким-нибудь из наших судов. На этом и порешили с капитаном. Правда на судне еще существовали два табачных монополиста: научные сотрудники Конкин и Ковальский. Конкин спокойно курил среди страждущих благоухающие сигареты, которыми предусмотрительно запасся на острове Маврикий. С экономической точки зрения курильщики это было непозволительной роскошью. Может быть, поэтому они не решались обращаться к Конкину за куревом и смиренно ждали, когда он предложит сам. Такое было нечасто. Обездоленные ворчали:

– Издевается Конкин, курит при всех, дразнит людей.

Они не правы. Просто умеет при всех обстоятельствах остаться самим собой этот “железный человек”, не в его натуре делать что-то тайком, скрываясь.

Ковальский — из другого теста. Курит он, закрывшись в каюте, “под одеялом”, как у нас говорят, к тому же отрицает свою табачную состоятельность, о которой ходят легенды. Недоброжелательность к нему куда большая, чем к Конкину.

Через несколько дней радистам удалось связаться с танкером “Луховица” новороссийской приписки, наши курсы пересекались. Моряки — народ отзывчивый. На танкере обещали поделиться куревом, хотя тоже давно в плавании.

И вот уже громадина танкер застопорил машину и покачивается вблизи.

В океане штормит, волны бьют в низкий борт танкера, перекатываются через палубу. На недоступной волнам корме большая группа моряков. Наши тоже облепили борт, солёный освежающий душ им не помеха. При таком волнении шлюпку не спустишь. Суда, примериваясь друг к другу, начинают сближаться на предельное расстояние. С нашей кормы летит в океан, как символ бедствия, привязанный спасательный круг, его ловко вылавливают на танкере якорем-кошкой.

Скоро с веселым гиком воейковцы тянут укрепленную на круге большую коробку. С танкера груз оттягивается концом и перемещается к нам почти на весу, чуть зарываясь в крупные волны. Наконец, он на палубе. Удача! Двойной целлофан уберёт картонную коробку, она сухая. В ней целых пятьдесят блоков сигарет. На корме общее ликование. Вокруг коробки начинаются танцы “диких” с воздеванием рук и конвульсивным выбрасыванием ног. Особенно усердствует матрос-гулливер Гена Павленко, человек очень добродушный и покладистый, что свойственно, как я давно заметил, всем крупным людям. Он старательно выплясывает какой-то сложный шейк-твист, а потом в изнеможении падает перед драгоценным грузом на колени, забавно сложив по-восточному ладони вдоль сияющего лица. На танкере тоже рады: смеются, машут руками ... Великое дело – морская выручка. В благодарность посылаем им тем же путём немного “приморских сувениров”: банки с икрой, крабами. Но главная благодарность – в душах курильщиков.

Скоро коробку с сигаретами подхватывает артельный Жалимов и, отбиваясь от участников табачной самодеятельности, волокёт её в кладовую. Короткие прощальные гудки, и мы расходимся с танкером. Когда для распределения сигарет составлялись списки заядлых курильщиков, неожиданно выявились подпольные страдальцы. Две девушки-тихони, техники экспедиции Атаева и Шишкина, твёрдо потребовали включить их в списки...

Табачная проблема имела положительную сторону. Некоторым удалось без особых волевых усилий навсегда бросить курить. Свои достижения широко разрекламировали ещё до встречи с танкером. Поэтому с табачного довольствия на этот раз их сняли. Так что “вакантные” сигареты были, и новоявленные курильщицы, опустив глаза, получили свою долю. Однако кое-кто утверждал, что их заслал один из тех, кто бросил курить. Но это были всего лишь предположения...

Странствующий альбатрос

Эта большая птица уже давно красуется в кают-компании НИС “Академик Ширшов”. Голова чучела почти подпирает подволок, внушительные перепончатые лапы прикреплены к массивной эбонитовой

подставке с надписью: “Странствующий альбатрос”. Хотя альбатросы относятся к обособленному виду трубконосых птиц, однако экскурсанты, которые часто посещают судно, удивляясь размерам чучела, принимают его за чайку и недоумевают: “Как же вы, моряки, могли убить её?”

В наш технический век морские суеверия стали архаизмом, но полностью не исчезли. Они переросли в своеобразные традиции и негласно бытуют среди моряков, особенно старшего поколения. С большой неохотой, например, уходят капитаны в рейс по понедельникам. Впрочем, первый день недели, после расслабляющего воскресенья, всюду считается тяжёлым. В силу этих морских традиций чайки у моряков пользуются особым покровительством. Спросил я как-то у бывалого матроса:

– А почему нельзя убивать чаек?

Взглянул он на меня удивлённо и процедил:

– Это души погибших моряков...

Вот и всё объяснение. Невольно вспомнились известные стихи Расула Гамзатова о погибших солдатах, превратившихся в белых журавлей. Между тем полезность чаек, не в пример журавлям, орнитологи нередко ставят под сомнение. “Конечно, чайки — океанские санитары, но они поглощают такое огромное количество рыбы и её икры, что вряд ли заслуживают защиты людей”, — так говорят одни; другие утверждают, что “чайки поедают в первую очередь больных и мёртвых рыб, предупреждая тем распространение болезней”. Защитники чаек напоминают также о монументе, воздвигнутом в честь этих птиц в американском городе Солт-Лейк-Сити, жителей которого когда-то они спасли от голода, уничтожив в окрестностях полчища саранчи.

Как бы там ни было, но у истинного моряка не поднимается рука на красавицу чайку — этот живой символ океана. В любую погоду летят они за судном, как вечная нить, связывающая его с берегом. В своё время я тоже считал странствующих альбатросов разновидностью чаек, от них они внешне заметно отличаются лишь величиной. Особенно хороши эти птицы в полёте, когда грациозно парят над судном, на застывших белоснежных с чёрными подпалинами крыльях до трех-четырёх метров в размахе.

Альбатросы действительно странники. Большую часть жизни проводят они в открытом океане, главным образом в штормовых субантарктических широтах, где, встретив судно, длительное время следуют за ним. В этих широтах они совершают облёты вокруг Земли, пользуясь непрерывно дующими там западными ветрами. Целый год длится их странствие и всегда заканчивается на небольших холодных и неудобных островах, разбросанных в южной Атлантике. После гнездования альбатросы снова и снова пускаются в кругосветные перелёты. Так всю жизнь.

У этих крупных и сильных птиц практически нет врагов. Человек также не причиняет им вреда. Правда, в предыдущем столетии, когда возник спрос на перья альбатроса, они уничтожались поголовно, и некоторые их виды были тогда полностью истреблены.

Если экскурсантов, увидевших на судне альбатроса, не удовлетворяют орнитологические рассуждения на тему “кто есть кто?”, приходится объяснять им несколько необычное происхождение нашего экспоната. Тем более что среди гостей встречаются эрудиты, знакомые с полузабытой мистической поэмой Кольриджа “Старый моряк”, в которой “корабль-призрак” мстит матросу, убившему альбатроса.

Странствующих альбатросов мы встречаем часто. Стоит в любом океане по пути на юг пересечь тропик Козерога, как тут же среди многочисленных крикливых чаек, сопровождающих судно, появляются эти величественные птицы. Однажды нам пришлось познакомиться с альбатросами с неожиданной стороны...

В том экспедиционном рейсе мы исследовали течения на одном из южных участков Тихого океана. Для этого использовалась автономная буйковая станция. Так океанологи называют систему приборов-самописцев, подвешенных на заякоренном тросе, который удерживается пенопластовым или полым металлическим бумом. Установив такую станцию, судно обычно надолго покидает её, потому и называется она автономной. Месяц и больше буквопечатающие механизмы могут регистрировать на телеграфной ленте скорость и направление течений на разных глубинах. Затем буй с приборами поднимается на

борт. Прежде чем покинуть станцию, штурман определяет координаты места. Спутниковая навигационная аппаратура позволяет сделать это с точностью до нескольких метров.

Иногда штормы срывают станцию с якоря и уносят всю систему далеко в сторону. Тогда обнаружить буй в океане помогают радиомаяк и электромигалка, которые имеются в верхней его части. Океанологи, как и другие исследователи-полевики, нередко выполняют в экспедициях работы, весьма далёкие от научных обобщений. К примеру, при постановке буйковых станций им приходится быть то электриками, то радиотехниками, а подчас и такелажниками. Так что океанологов можно вполне отнести к специалистам широкого профиля. Человек с любыми интересами и наклонностями найдёт себя в этой профессии, а уж тот, кто грезит о морских путешествиях, тем более.

Ещё школьником, начитавшись книг о море, я подобно многим сверстникам тоже мечтал о далёких плаваниях. Не раз с приятелями на небольшой лодчонке уходил в рискованные путешествия по Амуру, довольно широкому напротив Хабаровска, где прошло моё детство. Иногда, возвращаясь при свежем ветре с противоположного берега, мы представляли себя настоящими мореплавателями, попавшими в шторм. Не меньшая буря ждала нас дома, где злополучные “морские волки” появлялись промокшие до нитки и сникшие от пережитых волнений. Со временем специальность инженера-океанолога позволила мне осуществить детские мечты о морских странствиях, и приоткрыла занавес над таинственной и многогранной жизнью океана.

Но сейчас рассказ о буйковой станции, именно с ней связана печальная история нашего альбатроса. Постановка такой станции — сложное и хлопотное дело, она занимает несколько часов. Океанологам, как всегда, помогают наиболее опытные матросы во главе с боцманом. Они стоят за лебёдками, сращивают тросы, выводят за борт тяжёлый якорь и громоздкий буй. Ну а у океанологов главная забота — самописцы. В последний раз проверяется надёжность их работы, затем приборы подтаскиваются к борту и подвешиваются на кронштейнах к тросу. Это тоже нелёгкий труд — в собранном виде каждый из них весит не менее полсотни килограммов.

Занимаясь приборами, океанологи в любую минуту приходят на помощь палубной команде. На исследовательских судах нет строгих разграничений в обязанностях, выполнить как можно лучше научную программу рейса — дело общее. В этот раз погода была на редкость спокойной, и буй мы поставили сравнительно быстро. Судно направилось в другой район, но не успело отойти и на милю, как океанологи доложили, что на буе отказал радиомаяк. Необходимо было вернуться и устранить дефект. Чтобы не гонять судно, решили отправить к станции шлюпку, а самим в ожидании её исследовать вблизи буя изменение с глубиной температуры и химического состава воды. Многим хотелось отправиться на шлюпку, не так уж часто удавалось походить на ней. Скоро десяток человек и среди них океанолог Фёдор Поляев

спустились в шлюпку. Хотя она была оборудована мотором, матросы предпочли размяться, гребцы дружно налегли на вёсла, и шестёрка резво побежала вперёд.

Вот и громадина буй стоит, чуть покачиваясь на лёгкой зыби. Для осмотра радиомаяка Фёдор забрался прямо на буй, крепко уцепившись за мачту-треногу, а шлюпка легла в дрейф и её начало заметно сносить в сторону — течение здесь было довольно сильным. Ремонт маяка занял не больше четверти часа. За это время шлюпка несколько раз подгреба-

лась к бую, и, когда Поляев закончил свои дела, она находилась от него в двухстах метрах. Ну как тут было не воспользоваться случаем и не искупаться. Фёдор, недолго раздумывая, прыгнул в воду и поплыл к шлюпке, благо одет он был по-купальному, а вода не холодная.

Нужно сказать, что, месяцами находясь в океане, мы лично общаемся с ним, или, проще говоря, купаемся очень мало. Заходы в порты редки, да и не везде пляжи приспособлены для этого: то акулы, то какая-нибудь ядовитая живность, а то и просто крупные прибойные волны. Так что чаще приходится ходить в плавательные бассейны, а это далеко не одно и то же. Находятся, конечно, любители сильных ощущений, пренебрегающие грозными запретами, но такое, как говорится, до поры, до времени. У Поляева, решившего вплавь добраться до товарищей, желание окунуться в океан заглушило здравые мысли о подстерегающих там опасностях. Он неторопливо плыл к шлюпке, которая приближалась к нему также без особой поспешности. На полпути к шлюпке Фёдор перевернулся на спину, блаженно раскинул руки и стал любоваться причудливыми облаками, плывущими над ним. Тут он заметил несколько стремительно приближающихся крупных птиц. “Альбатросы — узнал Поляев, — куда это они наладились?”. В ожидании шлюпки Фёдор продолжал спокойно лежать на спине, подставляя лицо нежаркому солнцу. Внезапно оно померкло, но это были не тучи. Одна из могучих птиц почти упала на неподвижного пловца, большие крылья полностью накрыли его. Фёдор испуганно взмахнул руками, отбиваясь от огромного клюва, который казалось целил ему в голову. Потом одной рукой он ухватил альбатроса за основание крыла, подмял птицу под себя, а другой — накрепко сдавил ей под водой шею. Всё произошло почти мгновенно. Тело альбатроса обмякло, он расправил длинные крылья и замер на воде.

Только теперь Поляев почувствовал сильную боль в левом плече, где обнаружил глубокую кровоточащую ссадину, — видимо, альбатрос всё же зацепил его острым клювом. Фёдор стал тревожно шарить вокруг глазами, он вспомнил, что акулы чуют кровь на большом расстоянии. До этого Фёдор как-то о них не думал. А напрасно. Не успел Поляев перекинуться в подошедшую шлюпку, как вблизи её воду прорезал зловещий ножевидный плавник.

Вслед за незадачливым пловцом в шлюпку извлекли распостёртого альбатроса. Положив его рядом, боцман Андрей Васильевич Емельянов подозрительно посмотрел на Фёдора:

– Чего это ты схватился с ней, неужто напала?

– Кто её знает, кинулась как скаженная...

– А что, братцы, вполне возможная вещь — вмешался один из матросов, ведь он, чудак, лежал на воде и не двигался, а я как-то слышал: для альбатросов всё, что лежит на воде — их добыча. Вот он и бросился по ошибке на Федю.

– Может быть он просто поиграться с тобой хотел, а ты ... — с укором взглянул на Поляева боцман, поглаживая атласные перья птицы.

– Хороши игрушки, — прикладывая платок к окровавленному плечу, огрызнулся Фёдор, косясь на альбатроса, — считайте доигралась птичка, теперь пусть с ней акула поиграет. Вон она ждёт не дожждётся.

– Ну нет, — заметил Васильич, — на судне сделаем чучело, будет как живая. Пусть дома посмотрят, какие они альбатросы. Не каждому ведь доведётся забраться в эти края. И вообще, — продолжал он, — уважаю я этих птиц, неспроста ведь их “странствующими” называют. Что не говорите, а для нас, моряков, альбатросы — души родственные. Как подумаешь о своих странствиях...

Андрею Васильевичу было о чём вспомнить. Куда только морская судьба не кидала этого неугомонного человека. Недавно в рейсе мы отметили его шестидесятилетие - весёлый получился юбилей. Механики подарили Емельянову большую саблю на широкой шёлковой ленте, которую тут же торжественно повесили юбиляру через плечо. Хотя Андрею Васильевичу не удалось извлечь её из ножен, была она искусно выточена из дерева, но подарок выглядел красноречиво. Всем на судне известно, что Васильевич из потомственных кубанских казаков и горд этим. Правда, не пришлось ему долго казаковать — заполонило море. Увидел он его впервые на Дальнем Востоке молодым военмором. На флоте срод-

нился с морем, а когда отслужил, решил с ним не расставаться. Плавал на торговых судах в Тихом, потом в жизнь надолго вошла суровая Арктика. Здесь и захватила военная гроза. Не забыть Андрею Васильевичу тревожных дней и ночей на эсминце в составе конвоя, сопровождающего военные транспорты в Мурманск. Зенитка, которую обслуживал его расчёт, послала на дно океана не одну железную птицу со свастикой.

После войны побывал на родной Кубани, но неудержимо потянуло на Дальний Восток, к морю. Обосновался во Владивостоке, где оставил когда-то немало друзей. Снова корабли и океанский простор стали главным в жизни. Так и прошла она в непрерывных странствиях. О них и подумал он сейчас, поглаживая узловатыми, сильными руками лежащего у его ног пернатого странника.

Впрочем, жизненные итоги подводить Васильичу ещё рано. Когда Емельянова чествовали, то меньше всего думали, что он достиг пенсионного рубежа. Уж очень не вязался с этим возрастом образ крепкого, кряжистого человека с добрым моложавым лицом, украшенным лихими казацкими усами.

Вот и вся история о странствующем альбатросе. Её мы иногда рассказываем, если нас упрекают в нарушении морских традиций.

Мои воспоминания (Н. Г. Дурасов, заместитель капитана по научной работе НИС “Ю. М. Шокальский”)

Мне 85 — болезнь моя подождет.

Природа — это метеорология, это загадочная, парадоксальная и меняющаяся. Тот, кто однажды попал в этот мир, Мир Природы, уже не сможет оттуда уйти, да и вряд ли захочет, ведь тайна так притягательна.

Человек рождается, живет в окружении семьи, затем в окружении других людей, которые оказывают на него благотворное большое влияние как в плане духовного и физического существования и будущего формирования его жизненной позиции, выбора профессии.

Пожалуй, не имеет решающего значения родился человек в глухой деревне или в городе, его дальнейшая судьба складывается в зависимости от собственного восприятия окружающего мира. Одни люди любят и восторгаются природой, пейзажами, а на других они не действуют, некоторым безразлично, где работать, лишь бы работать и жить не хуже других. Вот почему эти индивидуальные биологические особенности, заложенные в принципах людей, формируют и социальные потребности каждого человека.

Почему я об этом говорю? Да потому, что я избрал свою будущность в области Природы. Похоже, я и родился с индивидуальными биологическими потребностями, которые и сформировали мои поступки в жизни.

Я отношу себя к людям с присущими им энергией и движениями. Я не могу выполнять долго одну и ту же работу, мое постоянное стремление — познание чего-то нового. Социальные потребности таких людей выражаются в том, что они все хотят сейчас, любят зрелище с быстрой сменой декораций, легко увлекаются новым. К такому типу людей относятся путешественники, исследователи.

В английском языке есть слово “адвенчер”, в переводе - путешественник, авантюрист и так далее (в точном переводе не уверен). Вот этот “адвенчер” сидит во мне всю жизнь и ярко проявился во мне летом 1938 г., когда я увидел красиво и красочно оформленное объявление о наборе на пятимесячные курсы гидрометеонаблюдателей во Владивостокское Управление Гидрометслужбы, и это решило всю мою дальнейшую судьбу. После окончания курсов началось распределение по метеостанциям всего Дальнего Востока (Сахалин, Камчатка, побережья Японского и Охотского морей, Чукотка). Я со своим “адвенчером” выбрал Чукотку. Дело было где-то в сентябре — октябре, в тех районах уже зима со снегом. Рассчитывать, что я и мои друзья в это время сумеем добраться до мечты наших желаний (Чукотки), не приходилось.